



УДК 9с(47.20)

Чернякова Ирина Александровна

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, пр. Ленина, 33
ведущий научный сотрудник Института Североевропейских исследований (ИСЕИ),
канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета,
зам. декана ИФ по научной работе и международному сотрудничеству,
доцент Российской истории Университета Восточной Финляндии (Йоэнсуу)

КАРЕЛЬСКИЕ ВОЛОСТИ И ИХ ОБИТАТЕЛИ КАК ОБЪЕКТ ДОБРЫХ НАМЕРЕНИЙ ИМПЕРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В XIX ВЕКЕ

Аннотация: Множество свидетельств образованных современников об умении вести хозяйство, практичности и рациональности обитателей Северной Карелии в XIX веке, содержат негативные отзывы о недальновидной административной политике запретов в сфере лесопользования, которая привела не только к изживанию прибыльных крестьянских предприятий (добыча смолы, торговля дровами), но и к полному прекращению традиционного подсечного земледелия.

В результате карельская крестьянская семья была лишена возможностей самообеспечения. Представляется, что катастрофическая бедность карелов, на которую обращали внимание все без исключения путешественники в начале XX века, явилась следствием непродуманного вмешательства государства в традиционный уклад крестьянской жизни, сложившийся и оправдавший себя в местных условиях на протяжении веков.

Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 11-01-00143а.

Ключевые слова: Карелия, XIX век; записки путешественников; заметки специалистов-лесоводов; этнографические описания; подсечное земледелие; традиционное землепользование; урожаи злаков; плодородие лесных пашен; последствия лесоустроительных реформ

Введение

Из дошедших до наших дней путевых очерков путешественников, этнографических описаний, заметок местных учителей, а также из донесений священников, опубликованных в конце позапрошлого столетия на страницах всякого рода губернских изданий, становится ясно, что просвещенных современников буквально потрясло отсутствие материального достатка, характерное для автохтонных обитателей карельских волостей (см. рис. 1)¹.

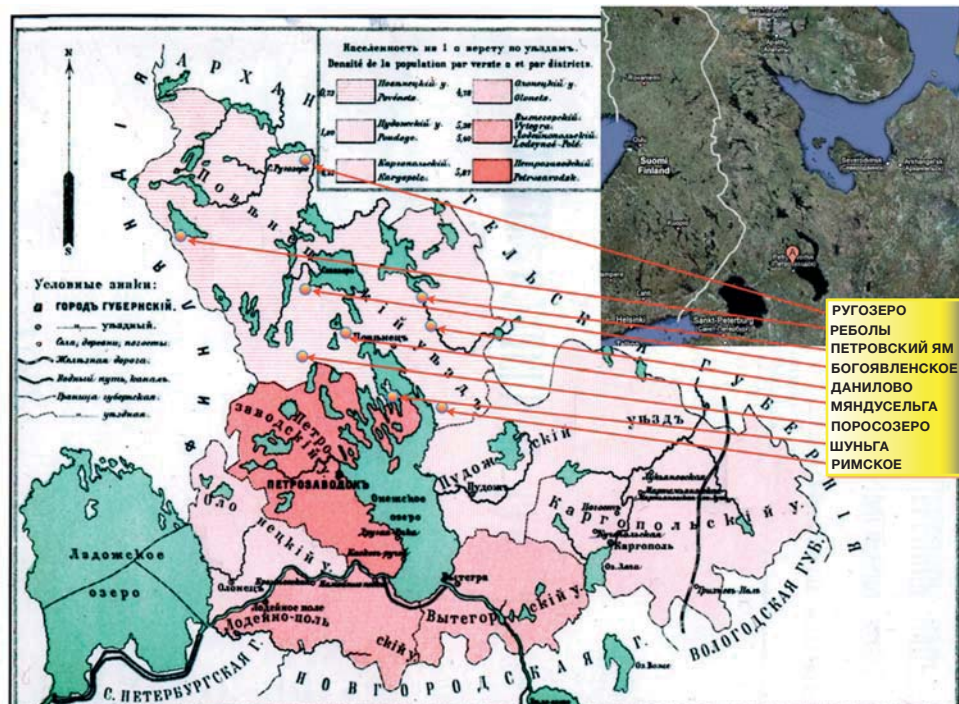


Рис. 1. Карельские волости Повенецкого уезда Олонецкой губернии (1897)

Болевшие душой за отечество исследователи народного быта С. Е. Анненков [1], М. Бубновский [3, 4], Л. Г. Гершанович [6], Н. А. Голубцов [7], Д. А. Золотарев [10], А. Иванов [11], Н. Камкин [12], Н. Канорский [13], В. А. Смирнов [21], П. П. Чубинский [27], А. А. Чарушин [23], А. П. Энгельгардт [29], и еще ряд авторов оставили для нас подробные и заинтересованные описания северной части Карелии и уклада жизни ее обитателей. Большинство текстов являются заметками высокообразованных специалистов в лесном деле и агрономии. Они содержат весьма убедительные размышления о том, как могла достигнуть край, обеспеченный природными ресурсами, населенный отличавшимся трудолюбием, природной сметкой, столетиями наработанными хозяйственными, промысловыми, ремесленными навыками, а также — всегда подчеркивается — чувством внутреннего достоинства народом, столь невероятная бедность?

Отмечая коллективизм, честность, здоровое упрямство в делах и неспешную расторопность карелов, их чистоплотность, умение рационально обустроить жилище, организованность и, наконец, толерантность, наши авторы приводят немало цифровых выкладок, основанных на доступной им тогдашней статистике. Восстанавливая картину произошедших с карелами и вокруг них в XIX столетии перемен, они, думается, вплотную приблизились к ответу на сформулированный вопрос.

¹ Карельские волости — почти официальное именование в делопроизводстве Олонецкой губернии в XVIII—XIX вв. северо-западной части Повенецкого уезда в границах Олонецкой губернии. Это были (с юга на север): Римское, Шуньга, Поросозеро, Мяндусельга, Данилово, Петровский Ям, Богоявленское, Ребола, Ругозеро.



Мы коснемся лишь одной составляющей проблемы — административного вмешательства в веками налаженное традиционное землепользование. Не будем рассуждать о других инициативах чиновников, плачевно отразившихся на повседневной жизни карелов — запрещении строительства дорог, ведущих за рубеж; чрезвычайно высокой стоимости лицензий на смолокурение и добычу дров для продажи; органичениях в выдаче паспортов для ведения торговли в Финляндии. Очевидная незаинтересованность государства в решении важнейших для местного населения проблем, таких как доставка корреспонденции, безволокитное судопроизводство, адекватная оплата труда на обязательных поставках болотной руды на местные железодельные заводы, тоже не будет предметом обсуждения.

Речь пойдет только о том, что представляло собой традиционное землепользование и почему его разрушение с неизбежностью привело местное население к невозможности прокормить себя и свои семьи за счет выращивания зерновых (рожь, овес и ячмень) и овощных (прежде всего, репа) культур.

Объект исследования

Повенецкий уезд, частью которого были карельские волости, в целом занимал территорию сопоставимую по размерам с отдельными западноевропейскими государствами. В то же время он был наименее обитаемой частью Олонецкой губернии. Тогда как в Петрозаводском уезде плотность населения составляла по данным первой всеобщей переписи населения 5.87 чел. на кв. версту, в Повенецком уезде она не доходила и до одного человека (0.73) (см. табл. 1).

Таблица 1

Территория и население Олонецкой губернии в конце XIX века

Уезды	Площадь (кв. версты)	Население	
		Всего	Плотность
Петрозаводский	13,586	79,712	5.87
Вытегорский	10,402	55,999	5.38
Каргопольский	19,528	82,347	4.22
Лодейнопольский	8,566	46,255	5.40
Олонецкий	8,368	39,990	4.78
Повенецкий	35,920	26,381	0.73
Пудожский	18,559	33,472	1.80
Итого	114,930	364,156	3.17

Источник: [20, табл. 1]

Карельские волости в свою очередь не были равномерно населены относительно своих территориальных пределов. Шунгская волость, самая южная из них, занимала наименьшую территорию (3 %), имея наибольшую долю населения (29%). В противовес ей Ребольская волость, самая западная в интересующем нас регионе, была весьма значительной по территории (20%), но менее всего населенной (6%) (см. рис. 2 и 3).

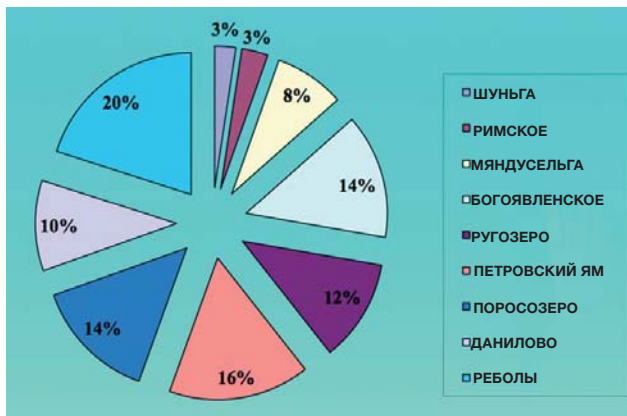


Рис. 2. Соотношение территорий карельских волостей в конце XIX века

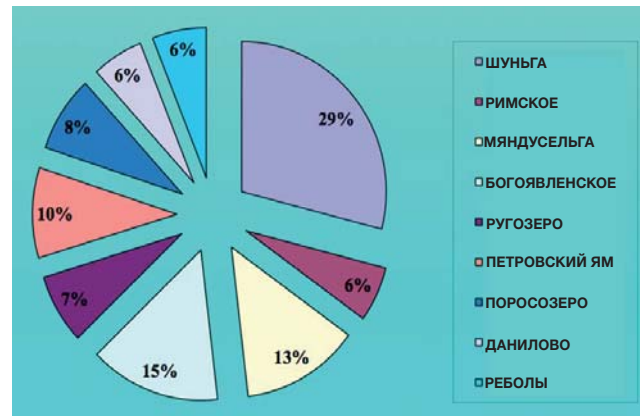


Рис. 3. Соотношение обитаемости карельских волостей в конце XIX века

Общеизвестно, что не плодородные поля и нивы составляют природное богатство края, где волею судеб компактно проживали карелы. Так, в занимавшей в начале 1870-х гг. общую площадь 11 млн. 670 тыс. десятин (ок. 112 тыс. кв. верст²) Олонецкой губернии в целом, на долю числившихся во владении здешнего крестьянства пригодных для ведения сельского хозяйства угодий приходилось чуть более 7% от общей территории³. При этом активно включенные в хозяйственный оборот земли, занятые усадьбами, постоянными полями (пашнями), а также лугами и сенокосами, составляли в этой доле не более 4,5%. Заметим, что собственно поля и огороды, то есть земли, культивировавшиеся для получения зернового хлеба и овощей, внутри этой доли не доходили даже до половины, составляя всего ок. 2%, остальное приходилось на пастбища и сенокосы. В то время как подавляюще большую часть земельных пространств губернии занимали леса (76%), еще почти два миллиона десятин являлись «неудобьями» (17%), какая-то часть земель числилась под названием «удобных», то есть «годных для земледелия, но не обработанных» (2,5%). Отдавая отчет, что это был своего рода резерв для расширения земледелия, обращаем внимание на то, что таких земель менее всего оставалось в северной части Карелии, о которой и идет речь в данной статье, — всего 0,1%.

Таким образом, не приходится сомневаться, что в населенном по преимуществу карелами Повенецком уезде — из 100 душ обоего пола здесь, согласно официальной статистике, 98 были карелы [19: LXXXV]) — практически весь более или менее пригодный земельный фонд был включен в регулярный севооборот. В то же время лесными массивами оставалось покрыто две трети территории уезда, вместе же с «неудобьями», где по определению невозможно выращивание сельскохозяйственных культур, это земельное пространство занимало до 98% территории уезда (без учета многочисленных озер и рек). Объективно более суровые климатические условия и обилие водных объектов, равно как чрезвычайно невысокое плодородие почв еще более усугубляли ситуацию с самообеспечением населения в примыкавшей к границе с Финляндией северо-западной части Олонецкой губернии.

² Данные присутствуют во вводной статье к Списку населенных мест Олонецкой губернии 1873 г. со ссылкой на «всеподданнейший отчет» за 1870 год. Там же говорится, что цифровые выкладки, имевшиеся у составителей Списка, не совпадали с другими, аналогичными. Так, согласно измерениям Стрельбицкого в губернии в целом следовало считать 131 тыс. кв. верст [19: LXXXV].

³ Здесь и далее подсчеты в процентах автора — И. Ч.



Известно также, что урожаи на постоянных пашнях в среднем доходили до сам-4; часто бывали меньше, чем сам-3; и совсем нередко местным крестьянам удавалось собрать только в полтора раза больше того, что было высеяно (сам-1,5). Даже в наиболее благоприятные годы урожай озимых на постоянных пашнях не превышал семи мер взамен одной меры посева [8. Вып. 128: 143]. Тем не менее, накопленный с древних времен опыт использования природных ресурсов и зарекомендовавшие себя как абсолютно рациональные в зоне так называемого неуверенного земледелия методы ведения хозяйства веками обеспечивали воспроизводство населения и его экономическое самообеспечение. Именно к такому выводу относительно хозяйствования крестьян, живших к северу от Повенца в XVI и в XVII столетиях, пришли авторы коллективного исследования — четырехтомной «Аграрной истории Северо-Запада России», осуществленного в 1970—80 гг. под руководством профессора Ленинградского университета А. Л. Шапиро [18: 80—86], [24: 140—150].

Проблема

Задавшись целью найти ответ на вопрос, что превратило эту некогда процветавшую и локально в силу специфики ландшафтов высокообитаемую территорию в регион, который в советской историографии было принято приводить в пример как образчик полного бездорожья и «край непуганых птиц», пригодный разве что для ссылки политически неблагонадежных лиц, приходится заметить, что, вероятно, дело за адекватной оценкой непродуманных и недальновидных административных и экономических инициатив правительственных чиновников, сведших на нет потенциальные возможности самообеспечения местного карельского населения.

Прослеживая ситуацию кардинальных перемен к худшему в самообеспечении карельского народа во второй половине XIX века с обращением к размышлениям и цифровым выкладкам земских статистиков и землемеров, учителей и чиновников, путешественников и местных священников обнаруживаем вековую культуру земледелия, практически неизвестную в современной историографии.

Обстоятельные заметки В. И. Гомилевского⁴, опубликованные «Журналом министерства государственных имуществ» в конце 1870 гг., убеждают в том, что в первой половине XIX века и, можно думать, много ранее в карельских волостях имело место вполне успешное ведение земледельческого хозяйства. Объехав Кемский и Повенецкий уезды от побережья Белого моря и Соловецких островов до пос. Шуньга на Онежском озере по делам службы в ходе инспектирования и обустройства лесного хозяйства по р. Выг (проект «Выгская лесная операция»), В. И. Гомилевский с опорой на заключения коллег И. Богуслава [2], Н. С. Шафранова [28]⁵, А. П. Людоговского [16]⁶ и других авторов, чьи наблюдения он постоянно цитирует, убедительно показал как внимание к конкретным природным и климатическим условиям, учет их специфики на уровне отдельных полей и распахек, всегда небольших по размерам в данной природной зоне, обеспечивали вполне результативное земледелие [8: 355—373, 29—54, 139—155].

⁴ Василий Иеремиевич Гомилевский (1846—1918), лесовод, специалист сельского хозяйства, энциклопедист, активный пропагандист научного знания, организатор съездов ученых и просветительских выставок, автор более 50-ти книг. См. о нем: *Матренинский В.* Памяти В. И. Гомилевского // *Лесной журнал*. 1918. № 9—10.

⁵ Николай Семенович Шафранов (1844—1903), лесовод, профессор, затем директор Санкт-Петербургского лесного института (1887—1899), автор ряда руководств по охране и восстановлению лесов.

⁶ Алексей Петрович Людоговский (1840—1882), агроном, профессор Петровской земледельческой и лесной академии, соавтор «Настольной книги для русских сельских хозяев» (СПб., 1875).



Крестьянам, хорошо знавшим свои пахотные участки и делившим их на «зьябля» и «незьябля» в зависимости от расположения (на полях и нивах вблизи болот не проходило года, чтобы часть урожая не пострадала от летних холодов, так называемых «утренников»), приходилось выискивать места для распахивания на возвышенностях, еще лучше — на островах и мысах, чтобы вода по возможности окружала посевы. Понятно, что местные земледельцы не просто мирились с некоторыми неудобствами, диктуемыми природными условиями. Степень таковых, согласно научным выкладкам того времени, была порой вообще несовместима с пригодностью пашен для земледелия. Так, по мнению Шиблера (Schibler), одного из теоретиков наиболее авторитетной в вопросах земледелия во второй половине XIX — начале XX века немецкой аграрной научной школы, склоны, имеющие 10—15° наклон по отношению к горизонту, должны были считаться совершенно непригодными для пашни. Приводя его, В. И. Гомилевский замечает: «сплошь и рядом, особенно в Паданской, Селецкой и Ругозерской волостях Повенецкого уезда и в Тунгудской Кемского уезда приходится видеть лядины, заложенные на скатах, значительно превышающих 35—40° наклона к горизонту, но зато открытых на юг, юго-запад и запад» [8: 365].

Многолетний опыт, основанный на наблюдениях и следовании здравому смыслу, позволял обитателям карельских волостей, живших в зоне так называемого неуверенного земледелия получать урожаи хотя бы с части обработанных под посев земель, причем даже в самые неблагоприятные годы. Охота и рыболовство — более чем продуктивные в те времена — лишь дополняли вполне обеспечивавший воспроизводство здорового населения зерновой рацион. Не упуская из вида молочные продукты, так или иначе появлявшиеся на столе местного крестьянина, хотя и озабоченного тем, чтобы прежде всего приготовить на продажу знаменитое далеко за пределами северной Карелии так называемое «чухонское масло», исправна поставлявшееся отсюда на Шунгскую ярмарку и в другие места, вплоть до Петербурга, все же заметим, что основу рациона составляли злаки, прежде всего рожь, овес и ячмень. Исследователи отмечают, что именно ячмень именовали «житом» в здешних местах. В отличие от других регионов Российского государства, где название подобным образом одного из основных злаков свидетельствует о его доминировании в жизнеобеспечении населения, здесь это, по мнению наблюдательных современников, связано еще и с необыкновенной приверженностью карелов к употреблению кофе. В. И. Гомилевский считает возможным говорить о «страсти к кофе» [8: 144], поясняя почему ячмень принято было в карельских волостях высевать на лучшем куске ярового поля, дважды (осенью и еще раз весной) подвергнутого вспашке и боронованию. Огромную роль играли корнеплоды. Чаще всего упоминается репа — «первое лакомство» [8: 147].

Обсуждение

Во времена, о которых мы ведем речь, определяюще важной считалась не столько производительность постоянных полевых пашен, сколько урожайность зерновых и овощных культур на подсеках. Из этих участков, уже разрабатываемых целые столетия, образовался особый род «лядин», каждая из которых подвергалась повторному засеву через известный период лет. Слово «лядина» (или «ледина») существует во всех славянских языках и полисемантично в своем значении. Здесь, на северо-западе России, было принято употреблять его в значении «сырой разрезанный лес, хвойный или смешанный, с большим количеством ольхи или ивы» [17: 339, 354]. Такие участки обычно возникали в местах, где ранее был лес, затем вырубленный, для использования под засев зерновых культур или льна [22: 549].

Исходя из постоянства системы традиционного земледелия с использованием лесных расчисток образованные специалисты-землеустроители считали возможным называть



данную практику «оборотом подсечного хозяйства». Продолжительность периода зависела от свойств почвы. Самый длительный срок, по прошествии которого «лядину» подвергали очередной разработке под засев, как правило, длился 35, реже 40 лет (в Ругозерской и Ребольской волостях), самый короткий составлял 18—20 лет (южнее 64° северной широты: в волостях Шунгской и Мяндусельской). Подчеркнем, что исследователи-современники отказывались видеть в подсечном⁷ («огневом»⁸, «чищебном» или «кулижном»⁹) хозяйстве разновидность архаичной и варварской переложной системы. Так, В. И. Гомилевский категорически не согласен в этом с А. П. Людоговским, полагая, что «лядинное или огневое» земледелие в карельских волостях есть нечно совершенно иное, и утверждая, что ознакомление с преданиями народа убедило его: «подсечное хозяйство не возникло из предшествовавшей ему пастбищной системы, никогда не существовавшей на севере в полном ее виде»; не послужило оно здесь и ступенью для перехода к высшей форме земледелия — зерновой системе, «обок с которой подсечное хозяйство существует на севере со времен поселения на нем первых оседлых жителей» [8: 32].

Чрезвычайно важным представляется наблюдение В. И. Гомилевского об определениях, бытовавших в сфере подсечного земледелия: лядина, подсека, чищеба, пожог, огнище, пал, паленина, валки, кулига, нива, нивище. «Разнообразие, — подчеркивает он, — происходило не от того, что в различных местностях Севера оно носит в народе различные названия, но от того, что ... существует целый ряд характерных названий для отдельных состояний участка, взятого для описываемого ... хозяйства» [8: 30].

Подтверждение этому находим в систематизации понятий, произведенной А. Лалошем как раз в Олонецкой губернии [15: 224]. «Ляда, лядина, ледина, — утверждается с опорой на данные заключения, — называют участок, лежащий более или менее возвышенно над уровнем ближайших вод, заросший густым тонкомерным, мешаным из лиственных и хвойных пород лесом, годный на разработку под культуру сельскохозяйственных растений». В Карелии и в смежных с нею местностях... «лядина» именовалась словом «сельга», в противоположность слову «орга» — низменное, хотя и не болотное место, тем не менее не годное для разработки. «Подсека, чищеба, кулига, починок, валки — называют лядину, когда лес на ней подсечен, подчищен, повален и лежит, чтобы высохнуть и подсохнуть для предстоящего затем сожигания». «Огнище, пожег, пал, паленина — называют лядину, когда подсеченный ... лес сожжен и почва обработана для предстоящего посева». В подтверждение исследователь приводит местное крестьянское присловье: «Нет огня, да огнище знать». Наконец, «нива — ляда, обработанная и засеянная хлебом; нива — это синоним пашне, посеву». В свою очередь «нивище — лядинный участок после уборки с него хлеба, брошенный под заросль лесом. Это название, — согласно дополнительному пояснению просвещенного наблюдателя, — он сохраняет до того времени, пока не отенится лесною зарослью». После этого участок вновь приобретает название «лядина» [8: 30—31].

В то время как согласно этимологии, рассмотренной выше, принято понимать все перечисленные термины для определения одного и того же явления — подсечного земледелия, предполагая, что их различие диктуется исключительно местными особенностями словоупотребления, на самом деле, как очевидно из систематизации, проведенной с более внима-

⁷ Считают, что термин «подсека» происходит от слова «подсечь» (в значении срубить что-то, уронить) [2: 225].

⁸ Термины «огнище, пожег, пал, паленина» происходят от слова «спалить» (в значении сжечь что-то дотла) [16: 127].

⁹ Термины «чищеба, кулига, валки» происходят от слов «чистить, валить» (в значении вычищать, выносить что-то прочь) [4: 183], [16: 127].



тельным изучением все той же практики, речь должна идти о разных стадиях обработки участка под посев в лесу. Важно подчеркнуть, что в карельских волостях эта система носила характер ротации — повторного, вновь и вновь возобновляемого на одних и тех же некогда разработанных, потом оставленных и вновь взятых в разработку лесных участках.

При всей различности плодородия подсечных пашен, в целом урожаи, получаемые на них, достигали мало сопоставимых с урожаями на придеревенских полях размеров. Полагали, что «урожай сам-25 — самый обычный; очень часто бывает урожай сам-30 — сам-35, а местами, и притом нередко, сам-40 и даже доходит до сам-60». Принимая за среднюю величину урожая на расчищенных в лесах участках такой, что превышает количество семян в 30 раз (сам-30), исследователь не сомневался, что с одной десятины крестьянин собирал «не менее 19 четвертей ржи весом в пуд каждая» [8: 51]. В свою очередь еще один заинтересованный наблюдатель и бытописатель северного народного хозяйствования на земле П. П. Чубинский¹⁰ называет со слов местных крестьян баснословно высокий урожай, который мог быть получен иногда на подсеке — сам-80 [27: 75].

Однако этот, практически гарантировавший достаточное для семьи севернокарельского крестьянина обеспечение хлебом и овощами, традиционный тип пашенного земледелия оказался подорван, а потом и вовсе сведен на нет рядом запретительных правительственных указов, начиная с последних десятилетий XVIII века. Инспирировавшие перераспределение лесных дач решения, официально исходившие более всего из декларации, что подсечное земледелие ведет к истреблению лесов, способствовали тому, что в короткий срок оказался разрушенным веками сложившийся древний способ выращивания злаков и корнеплодов на издавна расчищенных и постоянно возобновляемых «лядинах».

То обстоятельство, что объективные требования к участкам, пригодным для подсечного земледелия, сами по себе практически исключали опасность истребления настоящего леса, вообще не было принято в расчет. «Никогда не выбирают места, поросшие толстомерным лесом... Главнейшим признаком добротности почвы лядины, — утверждал, подытоживая наблюдения ученых лесоводов В. И. Гомилевский, — считалось господство белой ольхи [8: 38]. Подтверждает это и Н. Камкин, полагая, что «в примеси должна быть береза и только затем ель, кроме того, кустарники определенных пород» [12: 299].

Крестьяне-земледельцы знали и из рациональных соображений всегда учитывали, что листва ольхи при сгорании давала больше всего золы, и что наличие ели свидетельствовало о сырости почвы, так что «орги» хотя и обещали плодородие нив, но никогда не предпочитались: расположение вблизи болот делало ненадежным вложение труда в их по определению недолгую эксплуатацию. Таким образом, приходится признать, что многочисленные и абсолютно правомерные констатации современников о разумности и практицизме обитателей карельских волостей, о рациональности традиционных способов ведения хозяйства вполне уживались с чрезвычайной неадекватностью проводимой на правительственном уровне политики запретов и дополнительных пошлин в сфере использования леса, что в конечном счете привело к катастрофическому обеднению Карелии [25: 76—79, 81—82], [26: 140—146].

¹⁰ Павел Платонович Чубинский (1839—1884), этнограф, историк, географ, журналист. Будучи дипломированным юристом по образованию, был сослан в Архангельскую губернию под негласный надзор за нигилистические настроения и просветительскую деятельность на Украине. Считают, что ему принадлежит заслуга в возобновлении издания Архангельских губернских ведомостей.



Заключение

Обитая с древних времен в северном, не слишком благоприятном для земледелия регионе на северо-западе Российской империи, местное карельское население веками справлялось с задачей самообеспечения, используя традиционный способ выращивания злаков, овощей и корнеплодов на пожогах. Поля, подготовленные многотрудным путем подсеки, эксплуатировались с перерывом от пяти до пятидесяти лет одними и теми же родовыми или деревенскими сообществами, веками обеспечивая хорошие урожаи, что позволяло семьям надежно воспроизводить себя в потомстве. Образованные современники не сомневались в том, что подсечное земледелие носило не менее регулярный и упорядоченный характер, чем характерное для земледельческих регионов трехполье. Активно задействованные в дополнение к включенному в земельный кадастр пахотному фонду «лядины»; сезонный выпас скота в лесных массивах и на многочисленных озерных островах; имевшие постоянный, частично товарный, характер рыболовство и охота; местные высокопродуктивные сезонные промыслы, такие как сбор дикого меда, производство дегтя и смолокурение поддерживали уровень заселенности территории в балансе с природопользованием вплоть до конца XVIII — начала XIX века.

Однако государственная политика, основанная на умозрительном представлении заезжих чиновников о катастрофических последствиях подсек, равно как последовавшие ограничения в виде высоких пошлин на любую другую деятельность, связанную с эксплуатацией лесов (смолокурение и выгонка дегтя, заготовка дров), привели к упадку целого ряда местных промыслов и к чрезвычайному обеднению автохтонного населения приграничной Карелии.

В заключение для полноты представления о более чем ограниченных возможностях решения земельного вопроса в Олонецкой губернии несмотря на ее пространственную протяженность и специальные нормы землеотведения, приведем выкладки выдающегося экономиста того времени Карла Вебера, сделанные накануне революции 1917 г. (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение земель в Олонецкой губернии в 1913 г.

Используемые земли			Неиспользуемые земли		Всего
Сенокосы	Пастбища	Пашни	Болота	Пустоши	
338,181 (14.9%)	359,104 (15.9%)	164,763 (7.3%)	1,213,318 (53.7%)	183,048 (8.2%)	2,258,414 (100.0%)

Источник: [5: 78—79]

Очевидно, что сенокосы и пастбища в целом составляли почти треть земель (31%) в крестьянском пользовании, в то время как придеревенские поля и другая надельная земля под пашни — 7%. Хотя болота и пустоши по-прежнему доминировали (54% плюс 8%), пропорция земли в результативном пользовании крестьянства несомненно выросла по сравнению с ранее приведенными сведениями за 1870-е гг. Но это мало что могло изменить в реальных возможностях жизненного самообеспечения локальных крестьянских сообществ. Подсеки, или «лядины», культивировавшиеся на протяжении столетий, будучи постоянно возобновляемой через определенное количество лет лесовой пашней, поддерживали традиционную коллективно регулируемую систему земледелия, сравнимую по своей регулярности с придеревенскими постоянными пашнями, но чрезвычайно превосходившую ее по плодородию и урожаям. Перераспределение лесов на казенные и прочие в конце XVIII века разрушило древний порядок.



Хотя указом 1785 г. местным крестьянам гарантировалось исключительное право продажи земельных участков после двух лет эксплуатации [9: 148], ощущалась слишком явная нехватка полей, пригодных для получения стабильных урожаев в числе постоянных пашен при деревнях, чтобы эта мера могла быть действенной. В то время как официально декларировалось обеспечение «15-десятиной препорцией земли» из расчета на одну податную душу мужского пола, в действительности в карельских волостях из-за специфики климата и ландшафтов пропорциональное владение землей было много ниже: от 2.4 дес. на душу в окрестностях Шуньги до всего 0.4 дес. в регионе Выгозера (Петровский Ям) [8: 128, 139].

Все более плачевное состояние местного населения не оставалось незамеченным властью предержавными и даже предпринимались попытки как-то исправить ситуацию, предложением для чего являлось то известное обстоятельство, что крестьяне тайком продолжали практиковать подсечное хозяйство. Однако радикальных перемен к лучшему не происходило. Да и как они могли иметь место, если решения завершить поземельное устройство крестьян «к их вящей пользе» принимались сугубо формальным образом.

Когда после многих настояний местных властей указом 1822 г. крестьянам предложили обращаться за разрешением на культивацию подсек, было объявлено, что размеры «лядин» не должны превышать более одной десятины на податную душу. Позднее, в 1867 г. карельские крестьяне получили право эксплуатировать до 15 десятин на душу. Но расчистки следовало делать исключительно под наблюдением форшмейстеров «с осмотрительностью и не трогая важнейших лесов» [9: 149]. Еще позднее, в 1873 г., данное специальное разрешение было распространено и на те карельские волости, которые административно входили в Кемский уезд Архангельской губернии. Целое столетие ушло на то, чтобы преодолеть некомпетентное вмешательство в традиционные способы пользования природными ресурсами. Высоко оцениваются в историографии усилия в этом направлении генерал-губернатора А. Ф. Клокачева (1820—1823) [9] и олонецкого губернатора Г. Г. Григорьева (1870—1890) [14]. Действительно, к середине 1890-х гг. крестьяне в Карелии «получили ... около 2.4 тыс. дес. леса или 32% лесных площадей губернии, что являлось наивысшим показателем в России» [14: 160]. С точки зрения разработчиков особой инструкции 1874 г., предписавших отводить местным жителям вместо бывших подсечных угодий, если они находились среди казенных лесов, дополнительный надел (главным образом, из лесных участков) такого размера, чтобы они могли ежегодно «засевать не меньше против обычного числа десятин», — цитируют документ Н. А. Кораблев и Т. А. Мошина, — имел место даже «преувеличенный» отвод наделов. Стоит ли еще раз подчеркивать, сколь невдомек было приезжим высокообразованным чиновникам, что далеко не любое место в лесу могло гарантировать искомые урожаи и что вовсе не масштабами лесоотведения могло быть обеспечено продуктивное землепользование.

Источники и литература

1. Анненков С. Е. Топографическо-статистическое описание пограничной черты Петрозаводского и Повенецкого уездов с Финляндиею // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 2. Петрозаводск: Губернская тип., 1886. С. 119—164.



2. *Богуслав И.* Беломорская Карелия // Труды Императорского Вольного Экономического общества. 1847. Т. 5. С. 221—224.
3. *Бубновский М.* Контур Архангельской Карелии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1914. № 13. С. 402—412, № 14. С. 427—440; № 15. С. 458—466.
4. *Бубновский М.* Пути сообщения в Архангельской Карелии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1917. № 5. С. 183—202.
5. *Вебер К.* Сельское хозяйство: Земская агрономическая помощь в Олонецкой губ[ернии] // Известия Общества изучения Олонецкой губернии за 1913 год. Петрозаводск, 1913. Т. 1. № 1—4. С. 78—79.
6. *Гершанович Л. Г., Яхимович П. М.* Общее описание Ребольской дачи Повенецкого уезда // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1915. Т. 5. № 2—3. С. 120—139.
7. *Голубцов Н. А.* Архангельские карелы // Архангельская Карелия. Архангельск: Изд. Архангельского губернского статистического комитета, 1908. С. 3—39.
8. *Гомилевский В. И.* С крайнего севера России // Сельское хозяйство и лесоводство: Журнал министерства государственных имуществ. СПб., 1878. Вып. 127 (Апрель). С. 355—373; Вып. 128 (Май). С. 29—54; Вып. 129 (Июнь). С. 139—155.
9. *Ефимова В. В.* Олонецкая губерния под управлением генерал-губернатора А. Ф. Клокачева // Российская история. 2009. Вып. 3. С. 143—156.
10. *Золотарев Д. А.* В северо-западной Карелии // Западнофинский сборник. Л., 1930. С. 1—21.
11. *Иванов А.* Очерки Олонецкой губернии в историческом, топографическом и статистическом отношениях // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 год / Изд. Олонец. Губерг Стат. Ком. Петрозаводск: Губерн. тип., 1867. Ч. II. С. 3—183.
12. *Камкин Н.* Архангельские корелы: этнографический очерк // Древняя и новая Россия: Ежемесячный исторический журнал с рисунками. Санкт-Петербург: Тип. Грацианского, 1880. Вып. XVI. № 2 (февраль). С. 293—309; № 4 (апрель). С. 651—673.
13. *Канорский Н.* Панозерский приход // Архангельские епархиальные ведомости. Архангельск, 1896. № 14. С. 166—171.
14. *Кораблев Н. А., Мошина Т. А.* Олонецкие губернаторы эпохи великих реформ // Российская история. 2009. № 3. С. 156—163.
15. *А[гало]ш А. [С.]* Сельская община в Олонецкой губернии // Отечественные записки. 1874. Т. II (февраль). С. 218—237.
16. *Людоговский А. П.* Основы сельскохозяйственной экономии и сельскохозяйственного счетоводства. Опыт руководства для практических хозяев, земледельческих и реальных училищ и пособие при занятиях студентов высших учебных заведений. СПб.: А. Ф. Девриен, 1875. 488 с.
17. *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. Москва: Мысль, 1984. 653 с.
18. *Мюллер Р. Б.* Лопские погосты // Аграрная история северо-запада России XVI века: Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л.: Наука, 1978. Т. III. С. 80—86.
19. Олонецкая губерния: Список населенных мест по сведениям 1873 года / Центральный стат. комитет М-ва внутренних дел. СПб.: Тип. МВД, 1879. Т. 27. 235 с.
20. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 27: Олонецкая губерния / Сост. Н. А. Троицкий. СПб.: Центр. Стат. Ком., 1899. 35 с.
21. *Смирнов В. А.* Юшкозерский приход // Архангельские Епархиальные Ведомости. Архангельск, 1896. № 13. С. 155—156; № 14. С. 157.
22. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. Т. 2. Москва, 1986. 671 с.
23. *Чарушин А. А.* Имущественные отношения в крестьянской семье // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1916. № 10. С. 411—418.
24. *Чернякова И. А.* Землепользование в Обонежской пятине: Заонежские погосты // Аграрная история северо-запада России XVII века. Т. IV: Население, землевладение, землепользование. Ленинград: Наука, 1989. С. 140—150.



25. Чернякова И. А. Панозеро и его обитатели: пять веков карельской истории // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск-Juminkeo, 2003. С. 76—79; 81—82.
26. Чернякова И. А. Закон и традиция. Всегда ли прав закон? (О запрете подсеки на севере Карелии в XIX веке: свидетельства современников) // Восточная Финляндия и Российская Карелия: традиция и закон в жизни карел. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С.140—146.
27. Чубинский П. П. Статистическо-этнографический очерк Карелы // Труды Архангельского Статистического комитета за 1865 год. Архангельск, 1866. Кн. 2. С. 65—134.
28. Шафранов Н. С. Лесовозвращение. Учение о производстве продуктов лесного хозяйства. СПб.: А. Ф. Девриен, 1875. 415 с.
29. Энгельгардт А. П. Русский Север: Путевые записки. СПб., 1897. 256 с.

Irina A. Chernyakova

Petrozavodsk State University, Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Vice-Dean of the Faculty of History in Scientific Activity and International Collaboration,
Head of the Investigative Laboratory for Local and Microhistory of Karelia (ILLMiK),
Leader of the Interdisciplinary Project CARELiCA in the Institute of North European Research.
Docent of Russian History at the University of Eastern Finland (Joensuu)

<http://illmik.petrus.ru/Alkonost/personal/Welcome.html>

KARELIAN VOLOSTS AND THEIR INHABITANTS AS THE OBJECT OF «GOOD INTENTIONS» OF IMPERIAL GOVERNMENT DURING THE 19TH CENTURY

Abstract: Countless verifications given by educated contemporaries about sensibility and practicality of Karelian volosts' inhabitants got quite along with utterly short-sighted administrative policy of prohibitions and additional duties in the area of forest use, which led to eradication of not only slash-burn clearing, but also a number of very profitable trades (for example, tar extraction and fir rewood trade), and — inevitably — to impossibility of Karelian peasant family's self-providing. As it appears, Karelia to great extent owed its disastrous poverty, as known from the descriptions made by travellers in the beginning of 20th century, to unreasoned interference of the state in the traditional peasants' economic organisation of life that had been taking shape and justifying itself in local conditions throughout the centuries.

Key words: Karelia; 19th century; travelers' sketches; ethnographic descriptions; professional notes of specialists in forestry; slash-and-burn farming; traditional agriculture; regular rotation farming; forest management; harvests of grain; fertility of slash-and-burn plots, consequences of the forest regulation